

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

В.П. Визгин

Философия свободы Шарля Секретана

Визгин Виктор Павлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vizgin.victor@yandex.ru

Статья посвящена неизвестной в нашей стране философии швейцарского мыслителя Шарля Секретана (1815–1895). Мысль Секретана предстает в данной работе в зеркале переписки швейцарского философа с Шарлем Ренувье (1910), два письма из которой даются в снабженном комментариями переводе, выполненном автором статьи. В ней показывается, что в основе богатого творческого наследия Секретана лежит разработанная им философия свободы, для понимания которой недостаточно установить внутрифилософские импульсы, полученные им со стороны таких его учителей, как Шеллинг, Кант и Александр Вине. Понимание секретановской философии свободы, считает автор статьи, невозможно без обращения к конкретному историко-культурному контексту, включающему политическую и интеллектуальную историю не только Швейцарской Конфедерации, но и кантона Во, являющегося родным для Секретана. Статья позволяет глубже понять недостаточно изученный у нас феномен франкоязычного спиритуализма, основоположником которого был Мен де Биран. При этом наследие европейского романтизма и немецкого классического идеализма переосмысливается религиозно укорененной в протестантизме мыслью швейцарского философа, ищущей обоснования либеральному течению в своей конфессии.

Ключевые слова: швейцарская философия, идеализм, спиритуализм, философия свободы, воля, свобода, Ш. Секретан, Ф. Шеллинг, И. Кант, Ш. Ренувье

Как представить философию Секретана (1815–1895), неизвестную нашему читателю, когда сам представляющий только начал углубленное знакомство с ней? Интуитивно я искал ответ на этот вопрос в попытке установить сначала преобладающее влияние на формирование мысли Секретана других философов, прежде всего известных и значительных. Действительно, первый направляющий толчок для определения его философии как метафизики свободы, вокруг которой как абсолютного центра вращается все его творчество, дал Шеллинг, лекции которого он слушал в Мюнхене в 1835–1836 гг. и потом в 1839 г¹. Кроме того, Шеллинг был давно

¹ Александра Ру, историк философии, специалист по Шеллингу, в своей статье «Шарль Секретан – шеллингианец?» собрала большой материал для ответа на поставленный вопрос. Но ответ был и до того уже ясен благодаря анализу как работ Секретана, так и его прямых высказываний по этому

и хорошо известен в его совсем не чуждой научным и философско-гуманитарным интересам семье. Его дед, Луи Секретан, биолог, выдающийся миколог, бывший ландаманом² Лозанны, большой поклонник немецкой науки и культуры, переводил «Систему трансцендентального идеализма» Шеллинга (1800). Перевод, правда, остался в рукописи. Но о Шеллинге не раз велись беседы в семейном кругу Секретанов, а внуки потом помогали усовершенствовать перевод для публикации. И неслучайно, что учиться философии студент права Шарль Секретан, по примеру деда, отправился именно в Мюнхен, к Шеллингу и Баадеру. Подтверждений того, что именно Шеллинг направил его становящееся философское самосознание на тему религиозной метафизики свободы, достаточно и помимо сообщения об этом самим лозаннским философом. Кстати, его лекции о философии позднего Шеллинга не только включают историко-философское введение в «Философию свободы» (ФС), но и занимают в нем самое значительное, уже только по объему, место. Некоторые исследователи еще при жизни Секретана называли его однозначно учеником Шеллинга, считая, что тем самым вопрос о характере и значении философии лозаннского мыслителя закрыт. Таким людям, как Секретан, однако, продуктивнее верить. А сам философ ясно признал свою связь с Шеллингом, особенно поздним, показав конкретно, чем его мысль отличается от умозрений последней философии Шеллинга. В то время, когда его слушал Секретан, еще много нового ожидалось от немецкого властителя дум. Публика строила разные предположения. Но после смерти Шеллинга и посмертной публикации его ранее не издававшихся работ корпус мысли философа оказался завершенным. Имея это в виду, Секретан снабдил второе издание своей ФС таким примечанием: «Мне важно с некоторой подробностью представить теперь основы его философии, к которой присоединяли и мою собственную, для того чтобы сведущий читатель оценил различия между ними. И если я сужу верно, то философия свободы не только независима от той точки зрения, которая ее внушила, но она вообще принадлежит к другому пласту философской мысли. Об этом я уже имел случай сказать в 1842 г. в философской газете И.-Г. Фихте (J.-H. Fichte). Я слушал лекции Шеллинга и испытал их воздействие. Но по решающим вопросам мое чувство никогда не претерпевало изменений (1865)» [Secrétan, 1866, p. 283].

Секретан отсылает к предвещающему его знакомство с поздним Шеллингом чувству свободы как интуиции начала, лежащего в первоисточке вещей. Это в высшей степени характерно для него как единственного франкоязычного представителя метафизического романтизма XIX в.³ Ему, давно размышлявшему над немецким идеализмом вообще и в особенности над эволюцией взглядов Шеллинга, ясно, что человеческий дух не хочет быть метафизической «сиротой на земле» (*orphelin sur la terre*). История немецкого идеализма, говорит он, продемонстрировала это, повернув в лице позднего Шеллинга философский дух от кантовского критицизма и, что еще важнее, гегелевского пантеизма к метафизическому теизму: «Критицизм и пантеизм – двойная преграда, которую нужно преодолеть, чтобы перейти от философии, оставляющей религию вне своей сферы, и от религии, пренебрегающей мыслью, к спекулятивному постижению христианской идеи. В возвращении пантеизма к религии кроется главное достоинство новой философии Шеллинга, выстроенной на пантеистической основе» [Ibid., 1866, p. 282].

же самому вопросу. Тем не менее «клеймо шеллингианца продолжает преследовать лозаннского философа, и поэтому такие исследования не бесполезны. См.: [Roux, 2007].

² Высшая должность в кантоне Во, принятая с 1803 по 1830 г. Звание *landaman* – калька с немецкого *landammann* – присваивалось одному из двух президентов Госсовета кантона в порядке очереди. Луи Секретан был назначен ландаманом в 1826 г.

³ Мы присоединяемся здесь к оценке М. Мийу Секретана как «единственного метафизика, которого дал романтизм в странах французского языка» [Millioud, 1912, p. 508].

Поворот Шеллинга к новой фазе философствования, считает Секретан, обозначился впервые в его «Исследованиях о сущности человеческой свободы» (1809), где ищется такое основание бытия, или «метафизический принцип», как говорит лозаннский философ, которое делает понятным опытный факт свободы человеческой воли. «Нет иного основания объяснения мира, нежели свобода Бога», – говорил Шеллинг в «Штутгартских лекциях» (1810) [Шеллинг, 2010, с. 335]. В дальнейшем у Шеллинга происходит более плотная христианизация мистико-теософского плана мышления, в результате чего мир в «Философии Откровения» определяется как «приостановленный actus божественного бытия», свидетельствующий о кенотической природе Бога [Там же]. Так присущий Шеллингу пантеизм со временем сращивается с христианским теизмом, в чем Секретан видит его главную заслугу. Эти исследования снова открыли путь онтологическому мышлению, предполагающему, что вопросы о бытии и о Боге, рассматриваемом в его соотношении с миром и человеком, совместимы, хотя зазор между ними есть.

Идея о связи свободы Бога и свободы человека служит Секретану «компасом» в его философии как *теистической метафизике свободы*. «Несессетаризм»⁴ пантеистической философии гегелевского типа, демонстрирующий, что идея не имеет вообще никакого выбора, дает Шеллингу рационально прозрачный аргумент для продвижения к философскому монотеизму. Основной недостаток идеализма, увиденный Шеллингом, Секретан определяет как признание идеи безличным божеством, творящим мир и человека. Но все дело в том, что сама по себе идея ничего творить не может. Творят живые существа, духовные монады, личности. Только они способны быть субъектами творческих актов. А идеи, законы сами по себе создавать ничего не могут. Для творчества нужен дух, действительно самодействующий деятель, обладающий свободой воли. Здесь важно понять, что именно поэтому Секретан идеализму гегелевского типа противопоставляет спиритуализм: приоритет в творческой способности характеризует дух как автономно действующий субъект, а не идею. Итак, творит все существующее и оживляет в его потенциях именно дух, а не идея. Приоритет духа над идеей (у Гегеля обратное соотношение приоритетов) равносильно приоритету свободы над необходимостью. Так можно подытожить ход мысли Секретана в его противопоставлении спиритуализма идеализму.

Итак, Секретан критикует Шеллинга именно за то, что он не смог преодолеть идеализм. Шеллинг, сделав существенный шаг от пантеизма идеалистической философии к христианскому теизму, значительно продвинулся к спиритуализму. Но не довел это плодотворное для философии движение до конца. Изложив религиозно-философское учение позднего Шеллинга, свидетельствующее об определенном продвижении к спиритуализму, Секретан дает его критический анализ, сводящийся к демонстрации того, что свобода у его мюнхенского учителя оказывается на самом деле, тем не менее, не вполне суверенной из-за ограничения ее рациональными необходимостями. Иными словами, преодолеть до конца идеалистически-пантеистический несессетаризм Шеллингу не удается.

Тема различия идеализма и спиритуализма представляется нам столь важной, что укажем еще на один ее момент, отмечаемый Секретаном при изложении им критики философии Гегеля. Как идеалист Гегель, показывает швейцарский философ свободы, совершает одну ошибку в онтологическом словаре, ведущую, как мы скажем,

⁴ Неологизм от *necessitas* – необходимость, неизбежность, судьба (*лат.*). Разрыв между идеализмом и спиритуализмом на самом деле превосходит чисто концептуально-философский план, будучи укорененным в религиозно-культурной подоснове разума. Действительно, кредо несессетаризма древнегреческая языческая культура провозглашает устами Гераклита и Платона, Демокрита и Аристотеля. Так, например, во фрагментах «темного философа» мы читаем, что «всякая вещь бичом пается» [Лебедев, 1989, с. 237].

к глубокому искажению мысли о сущем, отождествляя существующее существо (*ον*) и существующий в мысли и для мысли атрибут существования, «факт быть» (*εἶναι*). Иными словами, идеализм отождествляет реально сущее и идеально (в мысли и для мысли) сущее, сущее как субъект (реально значимых атрибутов и реальных сил и действий) и сущее как предикат логических связей мышления. «Это отождествление, – говорит Секретан, – есть сама основа идеализма; есть она, по сути дела, и основание всякого рационализма. Это кардинальный принцип философии Гегеля» [Secrétan, 1866, p. 259]. Шеллинг подчеркивает Секретан, осознает опасность такой подмены в классическом онтологическом словаре. Но поскольку немецкий философ стремится сохранить строгость в применении своего метода рассуждения, то он не может с ним совершенно расстаться, оставаясь все еще на позициях идеализма. Концептуально-методологически философия Гегеля оставляет исследование причин сущего, как это делала классическая метафизика, питаемая аристотелевской традицией, замещая его исследованием закономерностей бытия вообще, что и ведет к латентной персонификации абсолюта как творящей природу идеи. В этом смысле философия Гегеля совсем не реализм, а номинализм [Ibid., p. 272]. В XIX в. путь к спиритуализму был проложен такими философами, считает Секретан, как Шеллинг и Мен де Биран [Ibid., p. 294], которые обратились к исследованию реально существующего субъекта, обладающего свободной волей как действующей причиной. Нам представляется важным обратить внимание на то, что различие идеализма и спиритуализма коренится в их религиозных подосновах. Если идеализм питают языческий политеизм и пантеистический мистицизм вместе с гностическими культами вроде манихейства⁵, то спиритуализм следует рассматривать как философский коррелят иудео-христианской монотеистической религиозной традиции, в которой дух выступает так или иначе ипостасью Бога.

Далее Секретан, позитивно излагая свою ФС, показывает, что именно она, а не шеллингианская концепция позволяет понять свободу как абсолют, объясняющий как христианский креационизм, так и свободу воли человека, лежащую в основе морали как таковой. Логика движения идей здесь прозрачна и убедительна, как всякое не чурающееся логики рассуждение. Но то самое чувство, которое у самого Секретана как романтика и интуитивиста идет, как мы сказали, впереди логики рассуждения, иными словами, интуиция историческая, у его читателя и исследователя остается тем не менее не до конца удовлетворенным в том плане, что понимания генезиса концепции секретановской свободы так и не возникает. Даже самой что ни на есть имманентной критики философских учений недостаточно для того, чтобы филиацией одних лишь абстрактных идей объяснить живой историко-философский феномен – ФС Секретана. Почему? Да потому, что не игрой отвлеченных понятий движется история духа, а живыми целостностями одухотворенной и одухотворяемой истории. Если это понять, то станет понятным и то, что не Шеллинг с его учением, включая его критический анализ, дают историку мысли искомый ответ на его вопрошание о реальном генезисе основной идеи ФС Секретана. Хотя очевидно, что поздняя философия Шеллинга для его лозаннского слушателя не прошла бесследно. Действительно, без вызванного мюнхенскими лекциями воодушевления темой свободы в ее предельной значимости не состоялось бы философское творчество швейцарского мыслителя таким, каким мы его знаем. Но дело в том, что пущенная Шеллингом «искра», поляризованная электричеством духа свободы, позволим себе так выразиться, на самом деле упала ведь на «горючий материал» уже имевшегося духовного наследия юного Секретана, на его, можно сказать, потомственную, родовую и, добавлю, *кантонально-патриотическую* корневую одержимость свободой. Обратим

⁵ Неслучайно Секретан связывает восхищение Гегеля Александрийской школой с триадической диалектикой Прокла, столь близкой его пониманию метода философии [Secrétan, 1866, p. 270].

внимание прежде всего хотя бы на то, что с 1803 г. девиз, начертанный на бело-зеленом гербе родного для Секретанов кантона Во (Vaud), содержит два магических для них слова – *Liberté et Patrie* (Свобода и Отечество). Слова эти – священны для водуазского патриота, каким, следуя семейным традициям, был Шарль Секретан. Кстати, зеленый цвет на гербе кантона – цвет его революционно настроенных граждан, подвигнутых к активным действиям после вторжения наполеоновской армии. Именно тогда в результате внутришвейцарской борьбы за новую структуру Конфедерации и возник суверенный кантон Во, освобожденный от господства над ним более могущественного Берна. Как пламенный патриот родного кантона, Шарль Секретан так или иначе участвовал во всех революциях своего времени, ареной которых была его малая родина. Каскад политических перемен разного масштаба и направленности буквально сотрясал его жизнь. Кантональные и общешвейцарские революции нередко следовали ритму парижско-французских, например революций 1830 и 1848 гг. А вот последняя пережитая Секретаном и всей его семьей разразилась уже вне связи с политической атмосферой во Франции (1869). Огонь одержимости свободой, зажженный Французской революцией 1789 г., конечно, чувствовался как в кантонально-водуазской приверженности Секретана к автономии, равноправию земель и суверенитету для его малой родины, что, естественно, ассоциировалось с концептом свободы, так и в присущем ему религиозно-протестантском либерализме в целом. Его энтузиастическое чувство свободы, таким образом, соединило в своей экзистенциальной основе французско-республиканские и протестантско-кантональные, а также и федерально-швейцарские корни своего генезиса и содержания. И уже на этой конкретной исторической, культурной и личностной базе складывалась секретановская религиозно-философская концепция свободы, концептуально питаемая такими философами, как, в первую очередь, Шеллинг и Кант. Имя Канта в этом контексте совершенно необходимо упомянуть, ибо его основные идеи, прежде всего в философии морали и религии, не могли не оказаться в высшей степени значимыми для Секретана как протестантского философа свободы. У Канта путь к метафизике открывался через явления морального духа, потому что пантеистический мировоззренческий горизонт не сковывал его мысли, что не могло не быть близким лозаннскому философу.

Весьма значимой фигурой в интеллектуальной и, шире, духовной биографии Секретана, помимо упомянутых представителей немецкого идеализма, был также известный в Швейцарии и даже за ее пределами протестантский теолог, проповедник, историк и литературный критик Александр Вине (1797–1847). Как и Секретан, Вине родился в кантоне Во и оставался его патриотом, хотя значительную часть жизни провел в Базеле. Секретан познакомился с ним в 1833 г., когда, будучи студентом и путешествуя по Швейцарии, заехал в Базель, где Вине был профессором французского языка и литературы. «Я нашел в нем, – пишет Секретан в письме к Луи Бриделю, своему другу и в будущем известному издателю, – великую личность (*un homme d'une grande superiorité*), пламенного христианина, совершенно чистого и столь же широко мыслящего и открытого не только в религиозной сфере и своих талантах, но и в знаниях, наделенного таким духовным строением, которого я бы желал и для моего окружения, чтобы самому стать лучше» (цит. по: [Secrétan L., 1912, p. 71]). Секретан дружил с семьей Вине и после его смерти, став духовным наследником, принял заботы о судьбе его литературного наследия на себя. В частности, вместе с другом своих молодых лет он издал письма Вине [см. Vinet, 1882]. Его связывала с ним сердечная расположенность младшего к старшему другу и учителю, он горячо понимал и во многом разделял его религиозно-политическую позицию и ценил его как выдающегося религиозного деятеля и замечательного писателя, вошедшего, помимо швейцарской, в историю и французской литературы. Его вкусу и интуиции он вполне доверял. Для Секретана Вине был образцом протестанта-общественника и патриота,

отстаивавшего принцип отделения церкви от государства. Последовательность в его либеральной позиции в религиозно-политических вопросах, бывших столь актуальными в первой половине XIX в., стоила ему отставки в родном кантоне. Поэтому мы не можем согласиться с мнением историка Мориса Мийу, считавшего, что «Вине все сводил к сердцу или считал, что он это делает; он шел от чувства к послушанию и вере. Секретан же не мог решиться на такое отстранение метафизического Разума. Его мысль сформировалась иначе, чем у Вине» [Millioud, 1912, p. 507]⁶. Думается, что, пытаясь оценить содержательно направление и силу влияния Вине на Секретана, мы должны согласиться с суждением об этом дочери философа Луизы Секретан, выступившей биографом своего отца: «Влияние, которое на молодого человека оказала его глубокая близость к Вине и его супруге, более всего касается морального воспитания и формирования его характера» [Secrétan L., 1912, p. 139]. Вине, однако, действительно не был склонен к метафизическим поискам, выступая в религиозно-церковных вопросах как верующий христианин, отстаивающий с большой убедительностью принцип свободы религиозных культов, их равные права. Секретану эти темы и интересы Вине совсем не были чужды, но в отличие от него он был наделен философско-метафизическим даром, отказаться от требований которого не мог. Поэтому первый период своего творчества в особенности он посвятил углубленным философско-метафизическим исследованиям, начав свою активность философа с работы о Лейбнице (1840).

В приведенной оценке воздействия Вине на Секретана многое, на наш взгляд, схвачено верно. Но есть и неточность: Вине шел не к послушанию светским властям, стремившимся подчинить себе церковь, а как раз к неподчинению им. Так, например, несмотря на осуждение властей Во, он продолжал поддерживать религиозные собрания своих единомышленников, составивших религиозную группу, отделившуюся от официальной церкви и назвавшую себя свободной церковью (l'Eglise libre). В этом либеральном протестном движении за отделение церкви от государства и свободу вероисповедания активно участвовал и Секретан, который из-за открытого несогласия с лозаннскими властями был вынужден уйти, как и Вине, в отставку с профессорской должности (ноябрь 1846). Как раз в это напряженное по накалу религиозно-политических баталий время Секретан, уволенный с кафедры, организует в заброшенном полуразрушенном здании свободную аудиторию, в которой продолжает читать свои лекции, анонсированные как курс «моральной философии», составивший основу его ФС. Студенты, не склонные к метафизике и высокому умозрению, на эти лекции не ходили. Но 50–60 оставшихся студентов с энтузиазмом слушали лозаннского философа, свободного от всякого контроля со стороны официальных властей. Импровизаторский и в то же время глубоко аргументированный ход мысли Секретана привлекал склонную к философии молодежь. И этот стиль вышедшие вскоре лекции (1849) сохранили. Пущенная Шеллингом «искра» разгоралась в пламя создаваемой философии свободы как раз в эти годы.

Итак, в основу всей философии Секретана положена монументальная религиозно-метафизическая концепция свободы. Во второй период своего творчества швейцарский философ, не меняя разработанную им философию свободы, применял ее для решения актуальных социополитических и моральных проблем. Его обостренная чувствительность к вопросам права, морали и политики вела его к их конкретной разработке и к определенным решениям. Семейная традиция, корни которой – в водуазской истории и культурной «почве», делает понятной эту специфику его творческого пути.

⁶ Мысль Мориса Мийу о значении для понимания философского творчества Секретана его характера, биографии и социокультурного контекста его воспитания и жизни нам близка.

Сказанное о шеллингианском факторе в генезисе ФС *mutatis mutandis* надо повторить и по поводу гипотезы о конститутивном значении для нее философии Канта. Здесь тоже все с предельной ясностью осветил сам швейцарский философ, например, в письме Ренувье, перевод которого читатель прочтет ниже. В нем он показывает самое главное, что он принимает и одновременно видоизменяет у Канта. Моральный императив Секретан, подобно Канту, признает «нашей единственной связью с умопостигаемым миром» [Secrétan, 1866, p. 208]. Кант как моральный философ-рационалист христианско-протестантского толка, впервые показавший, как «идея морали служит основой рациональной теологии, метафизике», дает швейцарскому философу точку опоры для развития его собственной философии как философии суверенной свободы. Но мораль как путь к ноуменальному содержанию мира принималась Секретаном и до его погружения в философию Канта. Кант только дал этому предрасположению классический язык, отточенные формулировки. Но невозможно было увлекаться и потом «зажигаться» Шеллингом, если оставаться верным букве кантианства в его отторжении метафизики. Поэтому Секретан преодолевает идеализм и скептицизм Канта не на пути пантеистического философствования, а пытаясь восстановить философский теизм спиритуалистического и, пусть даже так, эклектического толка, но продолжая при этом развитие «лучшей половины кантианства» [Ibid., 1866, p. 235], в центре которой стоит свобода моральной воли как ключ к искомой Секретаном метафизике. Проиллюстрируем «синтетическую», или эклектику, лозаннского философа пассажем историка его философской мысли Мориса Мийю: «Из чего в целом складывается “Философия свободы” Секретана? Из историко-философских этюдов, набросанных с размахом точными бесподобными мазками; из учения об Абсолюте, разворачивающегося грандиозной эпопеей, заново приоткрывающей нам исток древних теогоний так, что при этом ощущается дыхание библейской книги *Бытия*, и в результате мы возносимся над вершинами, парим над бездной, в которой зарождаются миры; из концепта природы человека, откуда созерцается физический универсум в его солидарности с человеческим миром, увлекаемым грехопадением, и человечество, в своей сущности восстановленное актом Милосердия (*la Grâce*) и обновленное в своем начале созданием нового божественного “зерна”, видится движущимся в ходе трагических завоеваний любви к ближнему (*la charité*) к свершению своей судьбы, к осуществлению свободной солидарности любви между индивидами и духовного единения между людьми и Богом» [Milloud, 1912, p. 507–508]. На наш взгляд, здесь кратко и выразительно очерчен основной состав этого захватывающе написанного произведения, вошедшего в историю европейской философии, произведения со своим особым энергичным и выразительным стилем, отсылающего ко времени своего создания с доминировавшей в нем традицией классического немецкого идеализма, но вместе с тем открытого к переменам в европейском философском сознании.

Итак, понять философское своеобразие Секретана, его вклада в сокровищницу философской мысли, сказав, что он, принимая основы моральной философии кёнигсбергского мыслителя, является кантианцем, нельзя. Ни Шеллинг, ни Кант, ни даже Вине или кто-то еще из мыслителей, воздействие которых он, несомненно, испытал, искомого «ключа» к пониманию его философии не дают. Так где же его искать? Ответ, правда, слишком смутно, каким-то неясным предчувствием, представлялся мне, когда я внимательно вчитывался в его подробную, богато документированную биографию. Но угадывался он тогда еще слишком неясно, туманно. Только когда я определился с конкретикой работы, решив начать с комментированного перевода небольшой части переписки Секретана и Ренувье, возникла нужная для дела ясность, а с нею и уверенность. В результате туманность, неопределенность, мешавшая начать осмысленно писать о нем, рассеялась. Был получен толчок, снимающий пелену со зрения. Философское творчество Секретана в его истоках и специфических чертах

открылось как единое целое через обращение к его жизни, включая творчество, во всем ее охвате. Стало ясно, что без проникновения в Секретана как человека, укорененного в родной ему кантональной воудазской «почве», невозможно понять те ментальные склонности и интеллектуальные предрасположенности, которые и послужили благодатной основой для формирования на ней, уже внутрифилософскими воздействиями, шедшими с разных сторон, в том числе от вышеуказанных, своеобразной концепции религиозной метафизики свободы как центра всей его мысли и деятельности

Переписка Секретана и Ренувье

Переписке, приведшей к дружбе двух философов-ровесников (оба родились в памятном для всей Европы 1815 г.), предшествовало письмо французского философа лозаннского профессору, отметившему публикацию Ренувье, явившуюся его философским дебютом, в парижской протестантской газете “Le Semeur” за 16, 23 и 30 ноября 1842 г. В этой работе Ренувье, названной им «Учебником современной философии» [Renouvier, 1842], излагалась история философских систем Нового времени⁷. Об этом событии Секретан вспоминает и в четвертом письме, нами переведенном и публикуемом ниже⁸. Ключевую роль в сближении двух философов сыграла, однако, не первая, по сути дела, чисто историко-философская работа Ренувье и не беглая, пусть и весьма лестная для автора, библиографическая реакция на нее молодого и литературно активного швейцарца, а работы Секретана, написанные им после публикации его ФС. В декабре 1868 г., т.е. спустя четверть века после первого письма Ренувье, Секретан послал французскому философу свои последние вышедшие книги, а именно «Исследования метода, ведущего к истине» (1857) и «Очерк философии» (1863)⁹. Посредником в их передаче стала философски образованная светская парижская дама, Кларисса Куанье, передававшая перед этим книги Ренувье Секретану. Давно знакомая с Ренувье, будучи членом редколлегии журнала “La Morale independante”, в котором печатались работы философа, она в эти годы курсировала между Парижем и Швейцарией. Посланные с нею книги Секретана вызвали большой интерес Ренувье, уже знакомого с его «Философией свободы». Вот только тогда он написал ему письмо (от 2 декабря 1898 г., помеченное номером III), с которого действительно началась их переписка, быстро превратившаяся в настоящую философскую дружбу, оказавшуюся плодотворной для них обоих. В этом письме примечателен постскрипtum, в котором Ренувье обещает прислать Секретану вместе со своими книгами изданные им на собственные средства философские фрагменты его трагически погибшего друга и товарища по Политехнической школе Жюля Лекье (1814–1862). Видно, насколько сильное впечатление мысль Лекье оставила у Ренувье, считавшего его своим настоящим учителем в философии.

Образ трагически умершего друга, всю жизнь посвятившего поиску «первой истины», послужил ему примером и образцом настоящего философа, что чувствуется

⁷ Подробнее об истории создания этой книги говорится в примечаниях к опубликованному переводу письма Секретана Ренувье.

⁸ Нумерация, используемая нами, взята из первого издания «Переписки Ренувье и Секретана».

⁹ Так считает автор комментариев к «Переписке...», которую, видимо, издавали сотрудники журнала “Revue de la Métaphysique et de la Morale”). Но Луиза Секретан, автор обстоятельной биографии Секретана, вместо «Очерка философии» называет «Разум и христианство» [Secrétan L., 1912, p. 399]. Это суждение опровергается письмом Секретана Ренувье (IV), перевод которого дается ниже (см. с. 78–80). К тому же Луиза Секретан ошибочно утверждает, что из Лозанны мадам Куанье привезла книги Секретана Ренувье после лета 1867 г. На самом деле, как показывают датированные письма философов, это произошло годом позже.

и по его переписке с Секретаном, которого он и познакомил с творчеством Лекье, что только поддержало швейцарского философа в его убежденности в истинности разработанной им философии свободы. Эмос античных безмятежно философствующих мудрецов оживает перед нами, когда мы погружаемся в переписку Ренувье и Секретана, передающую нам атмосферу сознания высокого достоинства мысли, понимающей и культивирующей свой межиндивидуальный – чтобы не сказать устремленный к вечности – статус. Отсутствие у него семьи Ренувье компенсировал искусством дружбы, без которого подобной переписки и не возникло бы. Один историк, исследовавший взаимоотношения Ренувье и Секретана, метко подметил, что «Секретан станет для Ренувье вторым Лекье, имея в виду при этом различие между дружбой юности и дружбой зрелых лет» [Foucher, 1940, p. 189].

Изданная переписка Секретана и Ренувье содержит 78 писем, датированных с декабря 1869 г. по январь 1891 г. В письме к г-же Куанье, которое тоже включено в переписку, Ренувье, говоря об отношениях с Секретаном, называет свои сочинения, о которых еще в 1843 г. в “Le Semeur” отозвался его швейцарский коллега, юношескими (Juvenilia) [Renouvier et Secrétan, 1910, p. 2]. Это неудивительно, ибо прошло 25 лет и взгляды французского мыслителя радикально преобразились, в том числе и под сильным впечатлением от яркой и глубокой мысли Лекье, о чем он и пишет в публикуемом ниже письме (V).

К 1869 г., после выхода в свет «Науки морали», Ренувье решает круто изменить образ жизни. С политической активностью либерально-республиканской окраски, с надеждами на ее успех он решительно покончил после переворота 18 брюмера Луи Бонапарта. Режим Второй империи был ему чужд, чтобы не сказать резче. Республиканские убеждения и симпатии в нем остались. Но ситуация со здоровьем его и его спутницы была такова, что для них обоих оказался целителен сухой южный климат. Поэтому у одного друга-фурьериста, некогда купившего имение под Авиньоном для устройства там фаланстера, Ренувье приобретает его и поселяется там на ПМЖ, ведя размеренную жизнь философа-анакрета. Углубленная жизнь исключительно в своих мыслях и в вытекающих из их запросов научно-философских исследованиях, когда нет необходимости преподавать и вращаться в светской и профессорской среде, его вполне устраивала. Это ему подходило по характеру и темпераменту. Французский философ никогда не имел семьи из-за, быть может, своей робости, которую преодолеть так и не смог. Одинокому, крепко стоящему на своих ногах мыслителю не надо было выстраивать карьеру, подлаживаться под внешние требования, с нею связанные. К этому времени, оставаясь в своем амплуа мыслителя вне университета и официальной философии, он уже был достаточно известен. Его финансовое состояние позволяло ему печататься и за свой счет.

Сближение двух философов, поначалу чисто эпистолярное и философско-деловое, очень быстро стало углубляться и вскоре доросло до настоящей дружбы. Тем не менее нельзя не видеть бросающейся в глаза противоположности типов их личности. Даже в бытовых ориентациях они скорее расходились, чем сходились. Ренувье – анахорет-вегетарианец, а Секретан любил плотно поесть в дружеском или семейном кругу, да и внешне совсем не был похож на своего друга. «Забавна и трогательна страстность этих мужей в обмене своими идеями, – пишет дочь Секретана. – Если бы они встретились до их переписки, то весьма вероятно, что такой близости и не возникло бы. Шарль Ренувье, очень сдержанный, хрупкого здоровья, говорящий медленно и негромко... выглядел стариком рядом с Секретаном. Его льющаяся через край энергия и громогласная речь могли бы вызвать у авиньонского мудреца непосредственное отторжение. Но письменно выражающий себя диалог между ними привел к полному внутреннему доверию и близости. Их мысли, как и их чувства, пришли к взаимопониманию, а предельная искренность сразу же стала определяющей чертой их отношений... Нигде, кроме переписки с Ренувье, вы

не найдете столько автобиографических подробностей о жизни Секретана, как в его листочках, написанных убористым почерком» [Secrétan L., 1912, p. 399–400].

Как же воспринял Ренувье основные идеи ФС Секретана? Главная тема, обсуждаемая двумя мыслителями, – проблема соотношения религии и философии, или веры и разума. Ренувье занимает позицию более рационалистическую, подчеркивая свою чуждость если и не религии как таковой, то уж точно – христианской теологии любого типа. Кантианский теоретико-познавательный критицизм по отношению к метафизике со значительно большей последовательностью проводится Ренувье, чем Секретаном, хотя различие феноменов и ноуменов не осталось чуждым и Секретану. Ренувье, высказываясь о выдвинутом его корреспондентом учении об абсолютно суверенной свободе как критическом, а не догматическом, обращает внимание на то, что в нем тем не менее поднимается вопрос о сущем до возникновения сущего, который он не может не признать некорректным, по крайней мере, для философии. Бессмысленно спрашивать, что было до того, как все стало быть. Если же подобные вопросы дискутируются в теологии, то Ренувье хочет полностью отстраниться от нее.

Итак, Божественная жизнь-в-себе, по крайней мере, для философского разума с его логикой, считает Ренувье, недоступна. Французский философ стремится оставаться в рамках философии, даже, можно сказать, научной философии, что для него равносильно разуму, требующему принятия в качестве критерия допустимого законов логики. Для воспитанника Политехнической школы, математика по образованию такая позиция вполне объяснима. Но вернемся к вышепоставленному вопросу о начале сущего: что было до того, как все стало быть? Богословствовать, смешивая философию и невозможное без откровения познание Бога, Ренувье, в отличие от Секретана, как мы сказали, отказывается. Совмещение суверенной свободы с абсолютным началом в рамках философского разума корреспондирует в религиозном плане с темой Бога-Отца как Творца мира и всех существ как свободных. Ренувье такая манера мысли не устраивает, ибо он считает, что вопрос *quid antea*, т.е. что было до того, остается безответным [Renouvier et Secrétan, 1910, p. 15]. Не оказывается ли тем самым французский философ своего рода интеллектуальным полицейским, надзирающим за соблюдением норм разумности и философичности? Этот образ навеял нам Н. Бердяев. По Бердяеву и ему подобным мыслителям, перегородок и тем более «красных линий» между философским познанием и познанием религиозно-богословским и теософским нет. Для мышления, допускающего богопознание внутрь философии, критицистская и даже неокритицистская позиция (инстинктивно слышится – полиция) мысли неприемлема, ибо удушает как раз и прежде всего свободу, ставшую высшей ставкой не только для Секретана, но и для Ренувье. Действительно, почему философу нельзя исследовать абсолютные начала, первые и последние «вещи»? Так Секретан, по примеру русского религиозного философа, мог бы возразить своему другу и корреспонденту. Но его позиция куда мягче. Он склонен сводить дело к спору о том, как же можно соединить без накладок принцип суверенной свободы с принципом справедливости. Именно этот ракурс дискуссии философов широко представлен в их переписке. И это, конечно, неслучайно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из переписки Ш. Секретана и Ш. Ренувье

Письмо IV. Ш. Секретан – Ш. Ренувье
Бержьер, Лозанна, 5 декабря 1868 г.

Месье,

Мне доставило такую радость получить свидетельство Вашего расположения ко мне. Я хорошо помню, что в «Сеятеле» (*le Semeur*) сообщал о выходе в свет Вашей «Истории философии» вместе с «Историей современной философии» Эдуарда Эрדмана. Но я должен признаться, что доктринальная тенденция Вашей книги осталась для меня неясной¹.

То, что я увидел в Вашей «Истории философии», это изложение философских учений, за которым скрывается изучение текстов. Именно поэтому уже давно я рекомендовал ее моим студентам. Но ввиду того, что «Сеятель» прекратил свое существование, а я должен был вести преподавание в небольших городках [удаленных от культурных центров. – *B.B.*] и был озабочен розыском книг, я лишился возможности следить за Вашими последовавшими потом работами. Правда, некоторые статьи в «Независимой морали» (*Morale Indépendante*)² позволили мне познакомиться с Вашей тенденцией, а потом я прочитал рецензию на Вашу работу г-на Равессона, на основе которой посвятил Вам страницу в статье, опубликованной в «Универсальной библиотеке» (*Bibliothèque Universelle*), редакция которой в настоящее время находится в Лозанне³. Статья эта была бы Вам послана (хотя, казалось бы, есть основание ее Вам не показывать), если бы у меня был Ваш адрес, который в Вашем письме не был указан.

Я с особенной радостью жду присылки Вашей работы, поскольку от «Универсальной библиотеки» я получил предложение ближайшим летом написать две или три статьи, посвященные критической философии во Франции. Зная ваши симпатии, я предполагаю включить посмертно изданные работы г-на Лекье в этот проект.

¹ Газета «Semeur» («Сеятель») издавалась в Париже и была, по оценке Луизы Секретан, «органом, представлявшим собой все, что имелось во французском протестантизме самого широко мыслящего и самого просвещенного» [Secrétan L., 1912, p. 192]. Она была основана Анри Люттеротом (H. Lutteroth) и выходила с 1832 по 1850 г. Секретан был ее постоянным автором. 16, 23 и 30 ноября 1842 г. Секретан публиковал в ней свой отзыв о книге Ренувье [Renouvier, 1842]. Эта работа была сначала послана Ренувье на конкурс исследований по теме «Критическая история картезианства», объявленный французской Академией моральных и политических наук. Получив приз, Ренувье дополнил ее и издал в виде книги по истории современной философии, назвав ее «Учебником современной философии».

Упомянутый в этом абзаце немецкий философ – Иоганн Эдуард Эрдман (1805–1892) – историк философии, протестантский богослов и философ гегелевской школы. Секретан имеет в виду его работу [Erdmann, 1834–1853]. Впоследствии Эрдман посвятил истории новой философии второй том двухтомной «Истории философии» [Erdmann, 1866].

² Ежедневная философская газета, основанная М.А. Массолем, издавалась в Париже с 1865 по 1870 г.

³ Периодическое издание, сначала выходившее в Париже, потом в Лозанне. Статья Секретана «Философия Феликса Равессона» была опубликована в томе XXXIII за 1868 г.

Мне хотелось бы также написать в них о таких философах, как Тиссо (Tissot)⁴, Курно (Cournot)⁵ и, быть может, Вашро (Vacherot)⁶. Правильный ли это выбор?

Г-н Бьюиссон, молодой французский профессор, один из моих друзей, занявший оставленную мной должность в Невшателе⁷, несколько недель тому назад презентовал мне первый номер *Année Philosophique*, в котором я, несмотря на некоторые расхождения с Вами, правда, больше в тенденции, чем в самом учении, с огромным удовольствием прочитал Ваше введение⁸. Критика позитивизма составляет содержание и моего предисловия ко второму изданию «Философии свободы»⁹, и я должен признать, что равессоновская критика позитивизма¹⁰ лучше, чем моя, а Ваша превосходит их обеих. Говорится, что господин Литтре – замечательный человек, но тон его критики саркастичен, а его манера обсуждать философские проблемы напоминает мне какой-то лепет¹¹.

Так как Вы твердо решили говорить обо мне французской публике, то, поскольку у Вас имеется краткий список моих публикаций, приведенный на обложке моего «Очерка философии»¹², я попросил бы Вас сообщить мне, чего у Вас нет из моих сочинений.

Ожидая Вашего ответа, позвольте мне, в порядке ознакомления, сказать Вам, что я получил диплом лицензиата права и никоим образом не являюсь теологом и совершенно не признаю никакого авторитета в сфере мнений, а мои идеи, касающиеся критики Св. Писания (*sur la critique sacrée*), весьма близки ко взглядам г-на Гюе (Huet)¹³. Различие между нами лишь в том, что, не имея возможности исходить из Бога, являющегося первейшей очевидностью и необходимостью для моей мысли, я согласую реальность (*du fait*) *a priori* с опытом лишь в Грехопадении (*la Chute*) и Воскресении (*la Restauration*). Но метафизика христианства, которой посвящен второй том моей «Философии

⁴ По-видимому, Секретан имеет в виду философа J. Tissot, переведившего «Логику» Канта [Kant, 1840]. Возможно также, что он хотел написать об одном известном профессоре Лозаннской академии, знаменитом педагоге, привлекавшем в это учебное заведение именитых учеников со всей Европы в XVIII в. В этой академии он сам многие годы преподавал философию. Интеллектуальная история Швейцарии и, особенно, кантона Во его всегда интересовала.

⁵ А.О. Курно (1801–1877) – французский философ и математик.

⁶ Э. Вашро (1809–1897) – французский философ, «позитивный метафизик», пытавшийся примирить идеи позитивизма с элементами метафизики в своем проекте «научной метафизики». Секретан написал о его метафизике статью, опубликованную в журнале “*Revue chrétienne*” (1859), издававшемся в Париже его другом Эдмоном де Прессансе (E. de Pressensé).

⁷ Фердинан Бьюиссон в 1866 г. занял кафедру философии, оставленную Секретаном в академии Невшателя ввиду его возвращения в Лозанну.

⁸ “*L’Année philosophique*” («Философский ежегодник») – периодическое издание, издавалось Ренувье в 1868–1869 гг. каждый месяц вместе с его другом и учеником Франсуа Пиллоном (F. Pillon). Обновленное содержание его выпусков было воспроизведено в четырех томах “*Essais de critique générale*” (1854–1864).

⁹ Критика позитивизма О. Конта и Э. Литтре содержалась в очерке «О позитивизме и метафизике», вошедшем в качестве предисловия во второе издание «Философии свободы» (Т. 1) в 1866 г. Этот очерк, написанный позднее, чем сами лекции по философии свободы, вводил в ее проблематику, давая ей определенное обоснование. Первое издание двухтомника «Философии свободы» вышло в свет в 1849 г.

¹⁰ Равессон подробно излагает суть своего критического отношения к позитивизму О. Конта в своем обзоре французской философии XIX в. См.: [Ravaisson, 1984].

¹¹ Имеется в виду упомянутая Секретаном критика Равессоном позитивизма. Ренувье, Равессон и Секретан – все эти философы, так или иначе, в той или иной степени относимые к спиритуализму, выступают против захватившего авансцену французской философии позитивизма Конта и Литтре.

¹² См.: [Secrétan, 1868].

¹³ Предположительно, Секретан имеет в виду голландского протестантского теолога D.Th. Huet (1790–1874), а именно его книгу, посвященную критике Св. Писания (The Hague, 1858).

свободы», имеет для меня не более чем ограниченное значение. За неимением чего-то лучшего в христианской метафизике я вижу в ней лишь попытку объяснения великих учений исторического христианства приемлемым для разума образом, то есть совместимым с моральным сознанием, *остающимся судьей*. Эту же задачу я решаю и в моих «Опытах о методе»¹⁴. Если все эти материи не вызывают у Вас отталкивания, то стоило бы труда сравнить догматики того и другого. Спасение как неотделимая от зла установка для меня объясняется солидарностью, являющейся фактом опыта, который теория должна лишь объяснить, так что я расположен самым решительным образом отстраниться от всяких спекуляций об учениях Никейского собора¹⁵. При этом моя христология сходится скорее с идеей святости.

Святое = божественное. Божественность И.Х. = целостность человечества. И поскольку вообще вопрос о *Боге в себе* мне чужд, истинное значение «Философии свободы» выступает как *критическое*. Она стремится сказать, что Божество, пусть обожествленная Доброта, являются *такими фактами*, по ту сторону которых ум не может и не должен восходить, что Бог в себе непостижим. Я вполне осознаю, что моя формула «Я есмь то, что я хочу» не дает иного успокоения мысли, кроме успокоения смирения (*la résignation*).

Метод мой очевиден – диалектическое развитие всеобщего и необходимого понятия, что объясняется моим германским философским воспитанием. Я слушал курсы лекций Шеллинга и Баадера в том городе, в котором только что умер Краузе¹⁶. В это время Гегель господствовал надо всем. Однако мое собственное стремление, все еще не нашедшее своего адекватного выражения, которого оно, быть может, так и не найдет, скорее состояло в том, чтобы извлечь метафизику (*верование*) из морали, дополнив, выправив, развив далее *постулаты практического разума*, короче, переведя в форму индикатива все то, что имплицировано суверенностью *императива*, этой нашей единственной связью с умопостигаемым миром.

За исключением спекулятивной дефиниции морального зла (в том, что касается его содержания), оказавшейся слишком слабой для психологического анализа и к тому же непонятной в качестве следствия, наилучшей из всех догматик мне представляется кантовская «Религия в пределах только разума»¹⁷.

Простите мне мое многословие о себе самом. Заранее благодарю за обещанную посылку Ваших работ. Преданный Вам

Ш. Секретан.

¹⁴ См.: [Secrétan, 1857].

¹⁵ Секретан имеет в виду Первый вселенский Никейский собор 325 г., посвященный христологической проблеме, обострившейся в связи с арианской ересью. Последователи Ария отрицали божественность Иисуса Христа. Острые богословских споров было направлено на нахождение истины в этом вопросе. Выработанная на соборе формула о «единосущии» Сына Божия и Бога-Отца легла в основу христианского символа веры.

¹⁶ К.Ч.Ф. Краузе (1781–1832) – немецкий философ, ученик Фихте и Шеллинга, развивавший систему панентеизма и предложивший сам этот термин. Он читал лекции по философии в Мюнхене. Секретан, приехавший учиться туда в 1835 г., не мог слушать его лекций, но память об этом философе, создавшем влиятельное, можно сказать, универсальное теософское учение, была в то время особенно живой.

¹⁷ См.: [Кант, 1980].

Письмо V. Ш. Ренувье – Ш. Секретану
Париж, улица дю Жардине, 13, 10 января 1869 г.

Месье,

Если я сразу же не ответил на Ваше столь любезное письмо от 5 декабря, так это потому что думал, что pošлю Вам вскоре ту посылку, о которой я Вам говорил, проинформировав Вас о ней. Но произошла задержка с публикацией моей последней работы, составляющей часть упомянутой посылки. И вот, наконец, господин Ладранж¹⁸ известил меня, что он все предназначавшиеся для Вас издания направил по Вашему адресу. Надеюсь, что Вы все это получите без задержек и без оплаты почтовых издержек. Мне бы очень хотелось узнать Ваше общее впечатление от моей работы «Наука морали», хотя я и не скрываю от себя, что сами наши воззрения на основе морали (соответственно, рациональное и христианское) должны отличаться. Но в других важнейших отношениях, там, где мы не следуем за веяниями нашего века, надеюсь вызвать у Вас сочувственное понимание. Вы увидите, что я подхожу к проблеме зла со всей ответственностью и строгостью, принимая грехопадение (*une chute*), как и Вы, изо всех сил стараясь при этом не удаляться от философских и исторических представлений (*des sens philosophique et historique des choses*).

Благодарю Вас за точные, искренние и глубокие сведения о Ваших философских стремлениях и ходе развития Вашей мысли, которые Вы мне сообщили¹⁹. Буду их иметь в виду при изложении Ваших работ, чтобы избежать ошибок в их интерпретации. К сожалению, я смогу в этом отношении быть только весьма кратким, так как предполагаю это сделать в большом историческом сочинении о *бесконечном, субстанции и свободе*, в котором множество древних и современных мыслителей будут конкурировать между собой за место в будущей книге. Во всяком случае, Вы не будете среди самых обделенных вниманием, и я постараюсь выразить все то ценное, что содержится в Ваших работах и должно быть отмечено.

От всего сердца я Вам советую изучить посмертно изданные работы Лекье²⁰. В этих его сочинениях, помимо несравненных стилистических достоинств, всегда оказывающихся привлекательными, вы найдете энергично излагаемые и оригинальные воззрения на достоверность и свободу. Вопрос о *предвидении и свободе* рассматривается в совершенно удивительном диалоге и таким образом, который не сможет Вас не заинтересовать... Если кто-то из Ваших знакомых (после того, как Вы прочтете эти работы) покажется Вам достойным получить в подарок эту чудесную книгу, выпущенную в количестве всего лишь 100 экземпляров, то я смогу это сделать, так как несколько ее экземпляров у меня еще осталось.

В том, что касается моих «Учебников», то они, особенно первый из них, действительно не содержат интересных философских тенденций, и я оставил работу над ними в том состоянии, в каком она представлена во втором «Учебнике»²¹. Примерно восемнадцать лет назад моя мысль претерпела полное преобразование²². Всю

¹⁸ Парижский издатель. Издавал философскую литературу.

¹⁹ Ренувье имеет в виду письмо Секретана от 5 декабря 1868 г., перевод которого публикуется выше.

²⁰ Они были собраны и изданы вскоре после трагической смерти Жюль Лекье Ренувье, который был его другом еще со времен Политехнической школы, где они познакомились, будучи ее студентами. Ренувье считал своего друга самым значительным в списке мыслителей, на него повлиявших, говоря о нем как о своем учителе в философии.

²¹ Речь идет о сочинениях «Учебник современной философии» (1842) и «Учебник античной философии» (в 2 т., 1844), в которых Ренувье излагает историю основных философских систем Нового времени и, соответственно, учений Древнего мира. Собственно новых оригинальных идей в них, можно сказать, нет.

²² 18 лет назад означает 1851 г., а именно год переворота, совершенного 18 брюмера Луи Бонапартом, события, положившего начало Второй империи, с режимом которой Ренувье, как республиканец, радикально расходился. В это время он совершенно уходит от политики и всецело посвящает себя

свою жизнь я посвятил философским исканиям, вкладывая в них всю душу (*ardement*). В течение одного периода своей эволюции я считал, что нашел оплот в идеях, действительно аналогичных гегелевским. Вопрос о бесконечном и о противоречиях мучил меня. Суть моих размышлений об этом и достигнутого продвижения в познании указанного вопроса за время, прошедшее после окончания Политехнической школы, состояла в том, что я могу быть уверенным в бесконечном, рассматриваемом математически, то есть в пространстве и времени. Именно в этом была моя революция, и слава Богу, что я ни строчки не написал об этом до этого переворота!

С большим удовольствием ожидаю того номера «Универсальной библиотеки» (*Bibliothèque Universelle*), в котором Вы намеревались говорить обо мне. Критика, если это действительно критика, меня не пугает. Мне приятно относить себя к тем, кто ее любит, хотя они и должны были бы страдать от нее. Судите меня всегда по самому строгому канону. И когда благожелательность тоже при этом присутствует, то нет ничего более целительного.

Прошу Вас верить в мою преданность.

Ш. Ренувье.

P.S. Простите, что по рассеянности забыл сообщить Вам мой адрес.

Список литературы

Кант, 1980 – *Кант И.* Религия в пределах только разума // *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

Лебедев, 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подгот. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 237.

Шеллинг, 2010 – *Шеллинг Ф.В.Й.* Штутгартские частные лекции / Пер. и коммент. П.В. Резвых // *Философия религии: Альманах 2008–2009.* М.: ИФ РАН, 2010. С. 326–396.

Erdmann, 1834–1853 – *Erdmann J.E.* Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie. 6 Bd. Riga; Leipzig: E. Frantzen, 1834–1853.

Erdmann, 1966 – *Erdmann J.E.* Grundriss der Geschichte der Philosophie. 2 Bd. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1866.

Foucher, 1940 – *Foucher L.* Renouvier et Secrétan // *Revue de Métaphysique et de Morale.* 1940. T. 47. No. 2. P. 187–231.

Kant, 1840 – *Kant.* Logique / Trad. par J. Tissot. Paris: Ladrance, 1840. IX, 391 p.

Millioud, 1912 – *Millioud M.* Ch. Secrétan sa vie et son oeuvre // *Revue de Métaphysique et de Morale.* 1912. T. 20. No. 4. P. 505–515.

Ravaisson, 1984 – *Ravaisson F.* De l'habitude. La philosophie en France au XIXème siècle. Paris: Fayard, 1984. 370 p.

Renouvier, 1842 – *Renouvier Ch.* Manuel de la Philosophie moderne. Paris: Paulin, 1842. 448 p.

Renouvier, 1854–1864 – *Renouvier Ch.* Essais de critique générale. Paris: Armand Colin, 1854–1864.

Renouvier et Secrétan, 1910 – Correspondance de Renouvier et Secrétan. Paris: Librairie Armand Colin, 1910. 168 p.

Roux, 2007 – *Roux A.* Charles Secrétan schellingien? // *Gaziaux E.* (éd.). Philosophie et théologie. Festschrift Emilio Brito. Louvain: University Press and Peeters, 2007. P. 213–242.

Secrétan, 1857 – *Secrétan Ch.* Recherches de la méthode qui conduit à la vérité sur nos plus grands intérêts, avec quelques applications et quelques exemples. Neuchâtel: Leidecker; Bâle et Leipzig: Georg, 1857. 300 p.

Secrétan, 1866 – *Secrétan Ch.* La philosophie de la liberté. V. 1. L'Idée. Seconde édition. Paris: Auguste Durand, Joel Cherbuliez, 1866. 364 p.

Secrétan, 1868 – *Secrétan Ch.* Précis élémentaire de Philosophie. Lausanne: Bridel, 1868. 301 p.

решению мучивших его философских проблем, таких как вопрос о бесконечном и противоречиях. Точкой отсчета для него стали антиномии чистого разума Канта. И он начинает свои изыскания с программы разработки реформы кантовской философии. При этом путеводительную нить ему дало его основательное математическое образование, полученное в Политехнической школе.

Secrétan L., 1912 – *Secrétan L. Charles Secrétan sa vie et son oeuvre*. Paris: Librairie Payot & Compagnie, 1912. 544 p.

Vinet, 1882 – Secrétan Ch. et Rambert E. (éd.). *Lettres de Alexandre Vinet*. Lausanne: Bridel, 1882. 484 p.

The Charles Secrétan's Philosophy of Freedom

Victor P. Vizgin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vizgin.victor@yandex.ru

The article is dedicated to the unknown in our country philosophy of Swiss thinker Charles Secrétan (1815–1895). Secrétan's thought is illustrated with the translation of two letters extracted from Renouvier and Secrétan's Correspondence (1910). Kant's philosophy of religion and morals was its starting point as well late Schelling's philosophy. But though Secrétan started with this intellectual heritage, he did not accept all Kant's and Schelling's doctrines. This conclusion is relevant even in relation to Alexander Vinet, his senior friend and spiritual master too. Therefore for the deep understanding of Secrétan's philosophy of freedom it is necessary to pay attention to the historical and cultural context of the Swiss federation and the canton Vaud especially.

Keywords: Swiss philosophy, idealism, spiritualism, philosophy of freedom, will, freedom, Ch. Secrétan, F.W.J. Schelling, I. Kant, Ch. Renouvier

References

- Correspondance de Renouvier et Secrétan*. Paris: Armand Colin, 1910. 168 p.
- Erdmann J.E. *Grundriss der Geschichte der Philosophie*. 2 Bd. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1866.
- Erdmann J.E. *Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie*. 6 Bd. Riga; Leipzig: E. Frantzen, 1834–1853.
- Foucher L. Renouvier et Secrétan, *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1940, t. 47, no. 2, pp. 187–231.
- Fragmenty rannich grecheskich filozofov. Ch. I. Ot epicheskich teokosmogonii do voznikovenia atomistiki* (Fragments of Early Greek Philosophers. Part I. From the Epic Cosmogonies to the Beginnings of the Atomism), ed. by A.V. Lebedev. Moscow: Nauka Publ., 1989, p. 237. (In Russian)
- Kant I. *Religia v predelach tolko razuma* (Religion within the Limits the Reason Only). In: Kant I. *Traktaty i pisma* (Treatises and Letters). Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 78–278. (In Russian)
- Kant. *Logique*, trad. par J. Tissot. Paris: Ladrangé, 1840. IX, 391 p.
- Millioud M. Ch. Secrétan sa vie et son oeuvre, *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1912, t. 20, no. 4, pp. 505–515.
- Ravaisson F. *De l'habitude. La philosophie en France au XIXème siècle*. Paris: Fayard, 1984. 370 p.
- Renouvier Ch. *Essais de critique générale*. Paris: Armand Colin, 1854–1864.
- Renouvier Ch. *Manuel de la Philosophie moderne*. Paris: Paulin, 1842. 448 p.
- Roux A. Charles Secrétan schellingien? In: Gaziaux E. (éd.). *Philosophie et théologie*. Festschrift Emilio Brito. Louvain: University Press and Peeters, 2007, pp. 213–242.
- Schelling F.W.J. *Stuttgartskie chastnye lekicii* (Stuttgart's Private Lectures), ed. by P.V. Rezvykh, *Filosofia religii* (Philosophy of Religion). Almanach 2008–2009. Moscow, 2010, pp. 326–396. (In Russian)
- Secrétan Ch. et Rambert E. (éd.). *Lettres de Alexandre Vinet*. Lausanne: Bridel, 1882. 484 p.
- Secrétan Ch. *La philosophie de la liberté*. V. 1. L'Idée. Seconde édition. Paris: Auguste Durand, Joel Cherbuliez, 1866. 364 p.
- Secrétan Ch. *Précis élémentaire de Philosophie*. Lausanne: Bridel, 1868. 301 p.
- Secrétan Ch. *Recherches de la méthode qui conduit à la vérité sur nos plus grands intérêts, avec quelques applications et quelques exemples*. Neuchâtel: Leidecker; Bâle et Leipzig: Georg, 1857. 300 p.
- Secrétan L. *Charles Secrétan sa vie et son oeuvre*. Paris: Librairie Payot & Compagnie, 1912. 544 p.